

Женщины в том мире, из которого он прибыл, все были омегами.

Из-за специфических условий, в которых он рос, друзьями Тан Чжо тоже оказывались сплошь омеги. Каждый из них был удивительно ароматным и мягким; они не только обладали внешней красотой, но и отличались кротким характером.

Поэтому он с надеждой подумал: «Если новым арендатором окажется девушка, мы наверняка сможем отлично поладить, верно?»

С этой робкой надеждой на душе настроение Тан Чжо немного улучшилось, и он уже не так сильно противился идее сдачи жилья.

Он с силой выжал тряпку и, тихонько напевая под нос, принялся усердно оттирать кухонную плиту.

Кухня была самым запущенным местом в квартире, оставившим у Тан Чжо слишком глубокую психологическую травму, поэтому, сколько бы раз он ее ни дезинфицировал, лишним это не было. К счастью, прежняя домработница оказалась на редкость ответственной: перчатки, профессиональные дезинфицирующие средства и прочий инвентарь нашлись в доме, что сэкономило ему немало денег.

Провозившись до самого полудня, он наконец вычистил все укромные уголки квартиры до зеркального блеска.

Тан Чжо сел за теперь уже идеально опрятный обеденный стол. Перед ним лежали четыре дымящихся белоснежных паровых пирожка и большая миска супа из морской капусты с яйцом.

Пирожки и яйца он купил утром, выходя из дома – такая еда была сытной, питательной и отлично утоляла голод.

Тан Чжо сначала медленно выпил полмиски супа, а затем аккуратно подцепил палочками пирожок. Круглый, пухлый, белоснежный, он источал обволакивающий жар и выглядел

невероятно аппетитно.

Он широко открыл рот и с удовольствием откусил кусочек.

Мягкий, нежный, с едва уловимой сладостью – как же это было вкусно!

Когда он добрался до горячей ароматной начинки из пюре таро, Тан Чжо не удержался и, выдыхая обжигающий пар, расплылся в блаженной улыбке.

Возможно, из-за сильного голода Тан Чжо был настолько удовлетворен простой едой.

Однако, доев последний пирожок, он поднял голову и, увидев пустые стулья вокруг стола, невольно замер. В глазах внезапно промелькнула щемящая грусть.

Тан Чжо только что отметил свое восемнадцатилетие.

В их мире каждый омега после достижения совершеннолетия обязан был пройти государственную процедуру бракосочетания. Специальная система, основываясь на уровне совместимости феромонов, подбирала им самого подходящего альфу в качестве пожизненного партнера.

И Тан Чжо уже прошел эту процедуру.

Более того, ему невероятно посчастливилось встретить мужчину-альфу с уровнем совместимости целых девяносто девять процентов.

Для Тан Чжо, который предпочитал мужчин и был полон нежных фантазий о будущем браке, это стало потрясающим сюрпризом.

При такой феноменальной совместимости теоретически они были самыми подходящими друг другу людьми во всем мире.

Они даже успели увидеться один раз.

Хотя это был всего лишь формальный обед в присутствии родителей, исходящий от того человека едва уловимый тонкий аромат роз – его феромоны – действительно пришелся Тан Чжо по душе.

Тан Чжо с замиранием сердца ждал второго свидания.

Однако в тот же самый вечер, уснув с прекрасными мечтами о будущем, он проснулся уже в этом странном мире.

Мало того, что он лишился способности вынашивать детей, так еще и внезапно постарел на пять лет. О катастрофически плохих отношениях с окружающими и говорить нечего, но самой большой головной болью стал острый финансовый кризис.

Так сможет ли он когда-нибудь вернуться домой?

Сможет ли снова увидеть дорогих папу, маму, брата, верных друзей и прекрасного господина-альфу?

Тан Чжо часто и быстро заморгал, стараясь подавить подступившую к горлу горечь, а затем снова взял пирожок и принялся за еду, стараясь отвлечься.

Он обязательно вернется.

Мама всегда говорила, что в любой, даже самой безнадежной ситуации нельзя терять надежду.

Во второй половине дня Тан Чжо проснулся после короткого дневного сна.

Он медленно открыл глаза и посмотрел на настенные часы – едва перевалило за три. Он

крепко обнял подушку и перевернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть.

Через некоторое время он снова перевернулся и, не мигая, уставился в белый потолок.

Сон больше не шел.

Тан Чжо протер глаза и тяжело сел.

Несколько пуговиц на пижаме расстегнулись, воротник небрежно сполз набок, но он не стал поправлять одежду и, волоча больную ногу, поплелся в ванную, чтобы умыться.

Когда он вышел из спальни, то, хоть и немного взбодрился, все еще выглядел каким-то пришибленным и подавленным.

Тан Чжо зашел на кухню, собираясь заварить ароматный травяной чай и съесть кусочек сладкого кекса.

Чудесный полдник всегда поднимает настроение и возвращает вкус к жизни.

Однако, открыв холодильник и увидев, что тот совершенно пуст – внутри лежали только купленные утром яйца да пара пирожков, оставленных на ужин, – Тан Чжо с горечью вспомнил о суровой реальности и с разочарованием захлопнул дверцу.

Он больше не в том роскошном доме: здесь нет ни изысканных десертов, приготовленных папой, ни денег, чтобы поддерживать прежний привычный уровень жизни.

В итоге Тан Чжо налил себе лишь стакан горячей воды, добавив в него немного соли. Держа теплый стеклянный стакан в руках, он прошел в гостиную, сел на диван и включил телевизор.

Кино и сериалы этого мира были для него в абсолютную новинку, ведь и мировоззрение, и сами истории здесь были совсем другими.

Тем не менее он внезапно понял, что не может смотреть их.

Хотя, когда он лежал в больнице в убогих грязных условиях, теснясь в одной тесной палате с двумя незнакомыми пациентами, он мог смотреть телевизор с огромным интересом.

Тан Чжо переключил несколько каналов, а затем с досадой отложил пульт в сторону.

Он полностью откинулся на спинку дивана и, глядя на люстру, снова погрузился в невеселые мысли.

Телевизор транслировал какой-то сериал, и звуки диалогов героев вперемешку с фоновой музыкой наполняли гостиную.

Несмотря на этот шум ему казалось, что в доме стоит гнетущая тишина.

Посидев так некоторое время, Тан Чжо выключил телевизор, допил соленую воду, сполоснул стакан и направился в спальню.

Когда он вышел снова, то был уже в уличной одежде.

Мама в этом мире управляла крупной швейной компанией, поэтому у прежнего владельца тела не было недостатка в качественной одежде, и любой комплект смотрелся на нем довольно неплохо.

Тан Чжо подошел к прихожей и, увидев отражение в зеркале во весь рост, наконец слегка улыбнулся.

Черты лица почти не изменились, если не считать болезненной бледности, во всем остальном он остался прежним.

Самым значительным изменением стал рост.

Он вырос со ста шестидесяти восьми до ста семидесяти пяти сантиметров – целых семь сантиметров! Теперь он был совсем другой высоты.

Глядя на стройные длинные ноги в зеркале, Тан Чжо невольно прищурился.

Ради таких великолепных пропорций, кажется, можно было смириться и с тем, что он «постарел» на целых пять лет.

Затем Тан Чжо надел защитную маску, посмотрел на закрытую входную дверь, глубоко вздохнул, подхватил пакет с мусором и вышел наружу.

На самом деле Тан Чжо не очень любил выходить из дома.

Поскольку с самого детства родители твердили ему, что нельзя выходить на улицу одному, нельзя тайком встречаться с альфами, иначе может случиться что-то непоправимое, у омег часто развивалась легкая социофобия.

Как и Тан Чжо, он предпочитал оставаться в четырех стенах – это дарило чувство абсолютной безопасности.

Однако это вовсе не означало, что ему не нужно общение.

Он не любил гнетущее одиночество и хотел, чтобы дома было шумно и весело, чтобы всегда был кто-то, с кем можно поговорить по душам.

Если подумать...

Сдача квартиры в аренду действительно казалась весьма неплохим выбором.

«Па-да –»

Тан Чжо вышел с пакетом мусора, и как только он запер дверь, то услышал, как открывается дверь у соседей напротив.

Он мгновенно напрягся, но все же быстро снял маску с лица.

Хорошие соседи лучше дальних родственников, а добрые дружеские отношения значительно облегчают повседневную жизнь.

И при «первой» встрече первое впечатление очень важно!

Тан Чжо начал лихорадочно вспоминать все, что знал о соседях, но не успел, как из приоткрытой двери напротив показалась пушистая голова.

Это была собака с очаровательной черно-белой шерстью!

Пес тоже заметил Тан Чжо, остановился, забавно склонил голову набок и уставился на него парой черных блестящих глаз-бусинок.

Какая прелесть!

Тан Чжо одарил его самой сладкой улыбкой и только хотел поздороваться, как собака вдруг попятилась назад в квартиру, и ее силуэт быстро скрылся из виду.

Затем показалась собачья лапа, которая уверенно уперлась в край двери.

«Па-да».

Под ошарашенным недоуменным взглядом Тан Чжо дверь соседей, которая только что была открыта, с грохотом захлопнулась.

Тан Чжо: - ...

Тан Чжо: - ...

Значит, даже собака его не любит?

QAQ

Около трех часов дня изнуряющая жара немного спала.

Солнце все еще ярко слепило глаза, но уже не было таким яростным и палящим, как в полдень, когда казалось, что оно вот-вот буквально испечет человека.

Автобус 718-го маршрута медленно ехал по дороге.

Насыщенный оранжевый свет пробивался сквозь оконное стекло, косыми лучами ложась в салон, и то вспыхивал, то гас, когда автобус проезжал мимо высоких и низких зданий.

В середине салона на месте у окна сидел одинокий пассажир.

На вид ему было совсем немного, около восемнадцати-девятнадцати лет. Волосы слегка касались ушей, а естественные легкие завитки придавали прическе небрежный пышный вид.

Его стройная и высокая фигура была облачена в модную спортивную одежду. Казалось бы, простой молодежный стиль, но на нем он смотрелся по-особенному сдержанно и спокойно.

Автобус остановился на остановке, и в него вошла седовласая бабушка, ведя за руку маленькую внучку.

- Бабуля, сюда, сюда! - звонким голосом воскликнула девочка лет двух-трех, наполнив

душный салон внезапной радостью. – Тут есть места!

Она первой бросилась в середину салона.

Еще при входе она заметила сидящего здесь красивого старшего брата и невольно, с любопытством потянулась к нему.

Цзюнь Яньсин, который до этого безучастно смотрел в окно, слегка повернул голову и опустил взгляд на девочку.

Его глаза были холодны, а выражение лица – совершенно спокойным, почти каменным.

Однако, встретившись с ним взглядом, девочка невольно съежилась и робко спрятала улыбку.

В этот момент подросла бабушка.

Она только собралась сесть, как внучка крепко обхватила ее за руку и потянула назад.

– Не... не садись здесь... – прошептала малышка.

– Хорошо-хорошо, иди медленнее, не упади, – ласково ответила старушка.

В салоне было много свободных мест, так что никакого конфликта не возникло.

Вскоре 718-й автобус прибыл на следующую остановку.

– Остановка «Солнечный сад», – прозвучал голос из динамиков. – Пассажиры, выходящих на этой остановке, просим выходить организованно: сначала выходим, потом заходим...

Под звуки объявления молодой человек, который до этого неподвижно сидел на месте, наконец подхватил стоящую у ног сумку и вышел через заднюю дверь.

«Солнечный сад» был жилым комплексом, боковой вход в который находился менее чем в ста метрах от остановки – именно туда он и направлялся.

Боковой вход был предназначен только для пешеходов и велосипедистов.

Сейчас ворота были открыты, а дядька-охранник мирно дремал на стуле у входа.

Цзюнь Яньсин взглянул на часы, но не спешил заходить в комплекс, а направился в маленький магазинчик у ворот, чтобы купить сигарет.

– Красавчик, у нас картами не рассчитаешься, – сообщил продавец.

В придорожном магазинчике не было терминала, а в те времена мобильные платежи по QR-коду еще не вошли в широкий обиход.

Цзюнь Яньсину пришлось достать стоюаневую купюру.

– Сдачи не надо, – коротко бросил он.

Отказавшись от мелочи, Цзюнь Яньсин взял сигареты и зажигалку, подошел к обочине и привычным отточенным движением вытащил сигарету, закурил.

Огонек слабо вспыхнул, мерцая под ярким послеполуденным солнцем.

Запах дешевого табака распространился в воздухе, резко ударив по организму, который еще не успел привыкнуть к никотину.

В этот момент в кармане брюк завибрировал телефон.

Цзюнь Яньсин слегка нахмурился, преодолевая неприятные ощущения, достал аппарат и взглянул на экран.

«Отец».

При виде этого имени пальцы Цзюнь Яньсина, державшие сигарету, слегка дрогнули, брови сошлись на переносице, а в глубине темных глаз промелькнула тень мрачной глухой ярости.

Впрочем, это чувство исчезло так же быстро, как и появилось, сменившись прежним ледяным равнодушием.

Он ответил на звонок.

– Цзюнь Яньсин, ты где? Живо возвращайся! – из трубки донесся яростный надрывный крик мужчины. – Ты чего добиваешься? У тебя совсем нет уважения ко мне как к отцу? Да, я заставил тебя передать проект младшему брату, но это потому, что у меня на тебя другие планы!

– Я всегда считал тебя зрелым и понимающим ребенком, возлагал на тебя большие надежды, но ты меня глубоко разочаровал!

– С таким отношением как я могу доверить тебе управление группой...

Мужчина продолжал орать, а Цзюнь Яньсин молча слушал, и его лицо с каждой секундой становилось все спокойнее и холоднее.

Спустя долгое время Цзюнь Яньсин негромко произнес:

– Закончил?

Одна эта фраза заставила мужчину мгновенно замолчать, а затем прийти в еще большую ярость:

- Цзюнь Яньсин, ты...!

- Дальше я скажу только один раз, - голос Цзюнь Яньсина был абсолютно спокоен. - У меня нет ни малейшего интереса наследовать «Фэншэн», и кому ты отдашь свое имущество - меня совершенно не касается.

Его лицо сейчас напоминало вековые льды на вершине неприступной горы, а окутывающий его сигаретный дым лишь подчеркивал отчужденность и холод, не подпуская к нему никого близко.

- С сегодняшнего дня мы больше не отец и сын. Если встретимся - делай вид, что не знаком со мной, - сказав это, Цзюнь Яньсин сбросил вызов и тут же заблокировал номер.

Он снова глубоко затянулся.

Преодолевая едкий дым, он смотрел вперед, и в тумане его глаза постепенно наливались кровью, а воспоминания нахлынули, словно мощный прилив.

Цзюнь Яньфэн, этот так называемый младший брат, на самом деле был всего на два месяца младше него.

После того как его мать покончила с собой из-за тяжелой депрессии, Цзюнь Хуа привел в дом Цзюнь Яньфэна и его биологическую мать, но и этот брак продлился недолго.

Появилась любовница, за ней - еще одна, и еще одна...

У Цзюнь Хуа было пятеро детей от разных женщин, и этот высокомерный мужчина воспитывал их, словно опасных насекомых в одной банке.

Без жестокой борьбы в клане Цзюнь было просто невозможно выжить.

Выросший в таких условиях, Цзюнь Яньсин с самого детства научился сражаться.

Он был старшим сыном и самым способным ребенком Цзюнь Хуа, но...

Что с того?

В прошлой жизни он действительно победил в этой изнурительной борьбе, но в самом расцвете лет был полностью истощен болезнями и в тридцать лет погиб под колесами машины, за рулем которой находился Цзюнь Яньфэн.

Цзюнь Яньсин сделал резкую глубокую затяжку, и в облаке дыма его мысли наконец прояснились.

К курению он пристрастился в самые тяжелые годы и не ожидал, что, прожив жизнь заново, все равно не сможет отказаться от этой дряни.

Он обдумал всё одну ночь напролет и решил окончательно уйти из клана Цзюнь.

В прошлой жизни он добился всего, чего хотел, и даже после смерти от рук Цзюнь Яньфэна не жаждал мести.

В конце концов, даже без той роковой аварии он не прожил бы долго с последней стадией рака печени.

В этой жизни он хотел прожить иначе – по крайней мере, не быть никем и ничем контролируемым.

Цзюнь Яньсин погрузился в глубокие раздумья, когда телефон снова зазвонил.

Он хотел было сбросить вызов, но увидел на экране имя: Ся Чуньчжэн.

Цзюнь Яньсин нажал «ответить» и, подхватив сумку, направился к воротам комплекса.

В то самое время из жилого дома, расположенного недалеко от бокового входа, вышла фигура и, заметно прихрамывая, направилась в ту же самую сторону.

<http://bllate.org/book/18547/1789272>